

Светлана Тулина

ХОЛОДНАЯ СВАРКА, или Ближе, чем секс

Светлана Тулина

**Холодная сварка,
или Ближе, чем секс**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Тулина С.

Холодная сварка, или Ближе, чем секс / С. Тулина —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

«Холодная сварка» известного автора-фантаста Светланы Тулиной — отличный подарок для всех любителей и ценителей качественной фантастики. Есть у этой писательницы некое уникальное умение — буквально с первых же страниц настолько увлечь своего читателя лихо закрученным сюжетом, невероятными загадками и поворотами, конечно же, высококлассным слогом. Так что на всякий случай позавтракайте перед тем, как садится за чтение этой книги — в лучшем случае о необходимости поесть вы вспомните ближе к вечеру. Когда всё прочтёте.

© Тулина С.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Пролог	6
Первая луна	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Светлана Тулина

Холодная сварка, или Ближе, чем секс

Холодная сварка – сварка без нагрева (обычно при температуре около 20 °С) приложением давления, создающего значительную пластическую деформацию соприкасающихся поверхностей. Используется для сварки материалов (в том числе разнородных), имеющих высокую пластичность и происходит за счет взаимодиффузии деформируемых заготовок в зоне соединения

Википедия

Пролог Новолуние

1-е сутки аренды. Мыслеотчёт арендатора

Максим, наш патологоанатом, с пеной у рта доказывал, что я не могу помнить ничего за несколько минут до катастрофы, и уж тем более – после. Что всё это, мол, ложные навешенные воспоминания, смоделированные подсознанием из ранее виденных медицинских и криминальных сериалов, пусть даже я и не смотрела специально ничего подобного, но хотя бы краем глаза и периферией сознания наверняка доводилось видеть, когда была в гостях или ожидала в приемных, там такое гоняют постоянно, а человеческий мозг – штука хитрая, он запоминает многое из того, чего мы, казалось, и не замечаем вовсе. А потом лепит из обрывочной информации вполне связные и достоверные сюжетики, подсовывая их вместо настоящего. За яркую картинку сознанию проще ухватиться, чем за абсолютную черноту.

Максим говорил, что на самом деле всё было совсем не так, и что оперативники из второй машины это могут подтвердить, если я у них спрошу. Может быть, когда-нибудь и спрошу. А может, и не стану. Пока мне вполне достаточно того, что я помню – или мне кажется, что помню. Пусть это даже и наполовину самонаведённая фальшивка. Пусть даже на две трети.

Трое суток до начала аренды. 74 часа до первого мыслеотчёта

Я хорошо помню ночное шоссе, и это воспоминание вряд ли ложное. Хотя на самом деле нет ничего фальшивее полуночной трассы вдаль от манящих огней большого города, да ещё и в дождь. Нет ничего подлее и обманчивее её неизменности, она успокаивает, убаюкивает, внушает ложную уверенность в незыблемости мира и собственном постоянстве. Особенно на высокой скорости – шорох ветра, шуршание дворников, шелест шин, перемигивание редких размытых фонарей вдоль обочины и длинный жёлтый язык дальнего света впереди, слизывающий километр за километром... Время от времени фары встречной машины заливают салон моей питержанки жидким янтарем, и кажется, что так будет всегда, и мы никогда никуда не приедем, так и будем висеть в стремительной неподвижности ночной трассы между пунктом А и пунктом Б, как залипшая в янтаре муха, а в сотне метров, видимая лишь в зеркальце, точно так же будет вечно висеть машина опергруппы, такая же стремительная и неподвижная. Люблю скорость, люблю ночное шоссе, люблю августовские ночи – уже тёмные, но ещё короткие. Люблю, когда рядом никто не сопит, не шуршит фантиком от конфеты, не дымит сигаретой, не пристаёт с пустопорожней отвлекающей болтовнёй. Оперативников трое всего, они предлагали ехать одной машиной – удобнее, мол, можно поспать на заднем сиденье, да и бензин. Но я отказалась. Не люблю чужие машины, пусть даже и со знакомым водителем, предпочитаю сама сидеть за рулём. И не какого-нибудь там чужого круизера, уставшего хозяина подменяя, а родной питержанки. Люблю свою машинку, вёрткую и мелкую, способную запарковаться на самом крохотном пятнышке. Хотя я и оголтелая патриотка малой внутримкадной родины, но это не мешает мне признавать, что хорошие машины делают лишь на питерском ЛАЗе, нашим не чета. А если бы и делали – как бы её назвали? Москвичка, что ли? Смешно...

А потом всё вдруг меняется.

Встречка бьёт по глазам дальней галогенкой – обрывком растерянное возмущение: как они техосмотр прошли, с такими-то фарами!? Страх нет, лишь недоумение и почти обида – с какой стати на моей полосе? Паники тоже нет, но руль почему-то рвётся из пальцев, словно живой, покрышки визжат по мокрому асфальту, машину заносит боком, неумолимо, прямо под эти ослепительные галогенки, кинжальные, режущие, беспощадные, ближе, ближе... скрежет сминаемого металла... чей-то крик. Кажется, мой.

Боли не помню.

Темнота. Тишина. Холод.

Нет, холода не было, это я, наверное, потом придумала, по аналогии с операционной, там всегда очень холодно, ещё с института запомнилось, как мёрзли пальцы. Просто темнота. И тишина. И больше ничего и нигде во всём мире, и меня, наверное, тоже больше...

Вспышка!

Звуки – хриплое дыхание нескольких человек, топот, стеклянное дребезжание, дробное стаккато колёсиков каталки по коридорным плиткам...

– Восемь кубиков... давление падает... фибрилляция...

– Мы её теряем!..

А вот этого точно быть не могло, слишком уж по киношному звучит, я бы даже сказала – по сериальному. Причем из самых мелодраматичненьких и низкобюджетных. И однако же я отлично помню, что слышала именно эту фразу, и даже визгливые истеричные нотки в голосе молоденькой медсестры, её отчётливый страх – наверняка молоденькая, как же иначе, иначе по законам жанра не положено. Человеческий мозг – забавная штука...

Снова темнота и тишина. Кажется, на этот раз они длятся намного дольше. А впрочем, не уверена. Не знаю. Там, где нет ничего, нет ни уверенности, ни времени.

Вспышка!

Удар.

Или сначала был удар, а вспышка уже потом?

– Удвоить напряжение! Перейти на искусственную...

Темнота.

На этот раз точно дольше.

Максим говорит, что никакой больницы не было. Вернее, была, но не для меня, поскольку я умерла прямо там, на шоссе. Да и попробуй не умри при столкновении с гружёной фурой лоб в лоб, когда скорости удваиваются и двигатель твоей питержанки в долю секунды оказывается на заднем сиденье. Вместе с тем, что осталось, собственно, от тебя.

Но даже если бы в ту ночь, так резко изменившую мою жизнь, всё было бы именно так, как мне запомнилось, то запомнить этого я бы всё равно не смогла, мозг милосердно стирает последние несколько минут перед клинической смертью, что уж говорить о настоящей. Накоплена-де обширная статистика, причём опрашивались не только пережившие краткосрочную клиническую, но и выходцы из коматозных состояний разной этимологии и длительности. Он много чего ещё говорил, наш Максим. Он хороший человек и патологоанатом отличный, непьющий совсем, что редкость, Шеф его всегда в пример ставит. Максим обладает энциклопедической памятью и много знает про смерть – утверждает, к примеру, что мёртвые не умеют хранить своих секретов, в отличие от живых, надо только уметь спрашивать. И единственный способ сохранить тайное тайным – не умирать.

Может быть, он и прав. Не про мёртвых с их явными тайнами, а про то, что я ничего не могу помнить. А с другой стороны – откуда ему-то знать, что там могло быть, а чего не могло?

Он ведь сам ещё ни разу не умирал...

Первая луна

5-е сутки аренды. Мыслеотчёт теловладельца

...Зачем согласился?

А потому что дурак! Да-да, вот так и запишите себе!

Пираты не дураки были, женщина на борту и всё такое. К беде, ясен перец! Знали, что говорят! А раз не знаешь, то как есть дурак. Мог бы сразу впетрить, что ничем хорошим... Поверил, кретин! «Ты нужен стране, твоя жертва не останется и всё такое, бла-бла-бла...», ага-ага. Жертва, как же ж! Жертва собственной дурачности! Мог бы сразу догадаться. Тот дядька в штатском был такой убедительный, такой правильный... Сразу надо было понять, что врёт! Их, наверное, в ихней академии так обучают. Ну типа выглядеть честными. Нормальный чел постесняется так выглядеть, особенно как раз таки если честный. А эти свою типа порядочность гордо несут, как знамя. Да ещё и всем в глаза тычут – смотрите, мол! Какие мы! И стыдитесь, что сами не такие.

А дураки стыдятся. И вляпываются. Раз за разом.

Не, ну поначалу-то просто как все. Рыжий, что ли? Все пошли, все подписали. Ну и тоже. Как все. Нет, ну сперва-то хотел отсидеться на задней парте, всегда так делаю. Но тут классуха углядела, вредина глазастая:

– Воробьёв! А ты чего от коллектива отбиваешься?

А че Воробьёв, Воробьёв не рыжий! Все пошли – и Воробьёв пошёл. Раз надо. Ну и подписал это согласие дурацкое. На голубом глазу, ага-ага! Нам ведь поначалу и не объяснили ничего толком ни про какой эксперимент. Ну, до всех этих подписок о неразглашении и прочей хни. Да и после них не так чтобы очень. Типа – предварительное и ни к чему особо не обязывающее согласие на чрезвычайно маловероятную гипотетическую возможность участия... Бла-бла-бла, короче! Плюс мутотень на полчаса о патриотизме и передовых рубежах науки. Чуть не заснул. Понял только, что ни в чём интересном поучаствовать не светит. Всё равно. И даже не из-за согласия родаков. Этот в штатском сказал – обязательно, мол. Без него никак. Просто наверняка не подойду. На что хошь спорить можно. Как всегда. Хоть и дурак, да не слепой же. Видел, как тот дядька косился, самый главный ихний. Когда думал, что не вижу. И как у него мордень при этом перекашивало.

Ну да, ну да, знакомый взгляд. И выраженьице. Проходили, и не раз. Да что там!

Эвридейно, так сказать. Эвритаймно.

Так что нет, тогда дураком ещё не был. Тогда был просто как все. И точка. Не прикопаешься! Дурака позже сваял – когда дал окончательное согласие. Проявил, так сказать, гражданский энтузиазм и социальную сознательность. Вместо того чтобы свалить, как все умные. А теперь поздно вопить: «Ну кто же знал!». Надо было знать! Догадываться. Предчувствовать! Не сумел задницей почуять подвоха – на неё же приключений и огребай.

До чего же противная тётка всё-таки. Фу-ты ну-ты, пальцы веером! Фунт презрения? Какой там фунт! Тонна, как минимум! С лопатой не разгребстись! Думает, если она со мною напрямую почти что не разговаривает, то и не чувствую, чем от неё шмонит. Ага-ага! Слепоглухонемой от рождения. Типа.

Одно счастье – волшебная кнопочка. Не настоящая, конечно, а типа внутри башки. Но работает как настоящая! Нажал – и тишина! Снова один. Счастье-то какое! Главное, очень хорошо её себе представить. Кнопочку эту. И как нажимаешь тоже представить. И не перепутать цифры пинкода. Жаль, часто нельзя, и надолго тоже. Только по необходимости или

когда до крайних чёртиков допечёт. Не совсем дурак, понимаю. Глаза у того дядьки аж белые стали, когда почти на день затынул. Ну забылись цифирки обратного отжата. Сами как-то. Не специально, просто из головы совсем. А что не сразу в ихнюю контору пошёл – ну так достала! Решил отдохнуть маленько. Но ведь пришёл же! Не очень-то и тянул, один денек всего. Даже вечера ждать не стал. Прямо со школы. Заценил турникет у них на входе – лажа голимая! От честных и законопослушных, не иначе. В нашей проходной и то круче. Правда, шустрые они там – не успел ещё и жетона вынуть, а уже встречают. Тот дядька, что с перекошенной мордой. Когда узнал, почему пришёл не в положенный день, его ещё больше перекосило. Он и не орал даже, шептал только. Очень вежливо так шептал, на вы и с пожалста-звиняйте. А глаза белые-белые. Как у варёной рыбы. И почему-то это оказалось куда страшнее. Не из-за глаз, а что вежливый. Он после несколько раз просил тот код повторить. Потом уже. Когда с тёткой поговорил и успокоился. Теперь в жизни не забуду! Посреди ночи разбуди – оттарабаню. А если и забуду – на браслетике гравировка. Прямо там у них и засандалили. Браслет запаян намертво, не снять. Даже купаюсь с ним.

Купание – кайф высшего левела. Пойти, что ли, снова купануться? Не потому что грязный. Просто перед тем, что *она* называет «гигиеническими процедурами», всегда нажимаю кнопку. С полного на то согласия и даже настаивания. Счастье-то какое! Так бы весь день в ванной и просидел. В одиночестве. Полном, в натуре! Кайф.

Никогда раньше не понимал, какое же это счастье – быть одному в собственном теле...

14-е сутки аренды. Мыслеотчёт арендатора

Он опять меня отключил.

Между прочим, восьмой раз за последние три дня. Или девятый? Вот я уже и путаться начала, интересно – это так, ерунда, или важный признак, который обязательно нужно зафиксировать и вписать в отчёт? Первая ласточка ослабления памяти и начала распада личности? Надеюсь, что нет, просто сбилась со счёта, с кем не бывает. Ну да, со мною раньше не бывало. Но смерть многое меняет, с этим не поспоришь, даже если смерть и была временной. Скорее даже можно сказать, что временная смерть меняет куда больше, чем постоянная и окончательная. Окончательная ведь по сути всего лишь одно и подвергает изменению, делая ранее живое неживым, сразу и навсегда. И всё. Все остальные перемены блекнут и выглядят ничтожными в свете такой глобальной трансмутации, перестают иметь значение. Но если ты продолжаешь существовать – значение мелких изменений, затрагивающих тебя лично, куда важнее изменений абстрактно-глобальных, и прав был Маяковский, когда говорил, что «гвоздь в моём сапоге важнее трагедии Гёте». Конечно, важнее. Гёте с его трагедиями далеко, а продранная гвоздём пятка вот она, к тому же Гёте чужой, а пятка родная, ей больно.

Эти постоянные отключения – тоже многократно повторяющиеся маленькие смерти, каждый раз как в первый, к ним невозможно привыкнуть, и страшно даже представить что случилось бы, окажись на моём месте кто-нибудь с более слабой психикой. Тем, кто просматривает эти отчёты, лучше бы учесть – так, на будущее... Нет-нет, не подумайте, я не жалуясь. Просто...

Он. Меня. Отключил.

Опять.

Чтобы не «капала на мозги» и не «портила аппетит».

Ага, такому испортишь... Жрёт, что ни попадя, почти непрерывно, называет это: «поддерживать силы». Силы? Утром встать с кровати – проблема, локтями опирается, переворачивается на бок, и лишь тогда может – не встать, нет, но сесть. Вставание – это уже второй этап. На пятый этаж исключительно лифтом, упаси, если не работает, вот где трагедия,

куда там вашим Гёте. Две остановки до школы – только на бусе, причём выбирает каждый раз авто, а не аэро – только потому, что до станции рейсовой летучки необходимо проделать ужасно долгий дополнительный путь длиной аж в целых двадцать шагов. Его шагов, маленьких таких, он семенит, как древне-японская гейша. Или как детская игрушка-пингвин с примитивным гироскопом внутри: стоит поставить такую на наклонную поверхность – и она пойдёт вниз, такими же маленькими шажочками, смешно переваливаясь с боку на бок.

Мой миленький арендодатель и теловладелец Володечка – лентяй, каких мало, к тому же сластёна и обжора, дважды лечился от ожирения. Если судить по видимым результатам, лечение не имело особого успеха: когда сидит – задница свисает со стула сантиметров на пять в обе стороны, на пухлых коленях возлежит двухэтажный живот. И щёки, щёки... куда тому хомяку! Эти щёки дорогого стоят, их и со спины видать.

А ему нравится собственное лицо: каждое утро подолгу любит, гримасничает перед зеркалом, и слева посмотрит, и справа, и щёки надуёт, и губы сковородником выпятит – думает, очевидно, что так его мужественный подбородок вылезает из жировых напластований и становится доступен взглядам окружающих. Наивный юноша, там до того подбородка не добраться и с экскаватором! Отцовским станком соскабливает жалкий пушок, который сам наверняка (и совершенно напрасно!) полагает бородкой. Смешно! Но хотя бы козлом не воняет, как некоторые в его возрасте. Вообще в плане гигиены Вовчик на высоте, тут ничего не скажу, хоть с этим повезло: зубы чистит сразу после еды, ежедневно меняет носки и бельё, душ трижды в день, а то и чаще, поскольку лето жаркое; кремы-лосьоны до и после, дезодоранты опять же.

Вот только если бы он в душевой не занимался ничем, кроме мытья... Как же, размечталась! Шестнадцать лет, самые гормоны, а где ещё, как не в душевой, наиболее подходящее место, сама понимаю, только от этого не легче. Левой рукой «выюнош» при этом поддерживает живот, иначе не получится. Всё бы ничего, если бы одна из стен не была зеркальной... Не знаю, действительно ли он просто забыл меня тогда отключить, как потом утверждал, извиняясь, или же специально, напоказ поработал. Не удивлюсь, если второе, желание шокировать чопорных и ничего не понимающих взрослых – типичнейшая мотивация для подростка, а период полового созревания даёт довольно чёткую направляющую как и чем именно этого можно добиться. Ну что ж, если это была провокация – со мною она сработала на все сто, зеркало поспособствовало. Может, кому и нравится любоваться на подобное, а меня так вырвало миской свежесъеденного борща – прямо на наше с Вованчиком общее жирное пузико и вывернуло.

С тех пор перед душем Владимир-свет отключает меня от органов чувств. Маленькая смерть, повторяемая ежедневно по многу раз, но так и не ставшая от этого менее мучительной или более привычной. Один беспризорный философ по имени Гек когда-то сказал – попробуй, посиди на раскалённой плите подольше: может быть, привыкнешь. По сути он, конечно же, прав, но вот в частности и конкретике... иногда мне кажется, что я бы с ним поменялась – всё-таки раскалённая плита даёт хоть какие-то, но ощущения, а любые ощущения, пусть даже и самые неприятные, куда лучше их абсолютного отсутствия. Идеальная депривационная камера – полная тишина, полная темнота, полная неподвижность. Мыслию – значит существую? Никому не пожелаю подобного существования... Безразмерная точка вне времени и пространства...

Интересно, мой столь подробный и обстоятельный мыслеотчёт действительно нужен науке? Его хоть кто-нибудь станет читать-прослушивать? Или просто ребята из ЦКБ отлично понимали – каково это будет? Вот и настаивали так на особо подробном и чётком формулировании всего переживаемого чуть ли не поминутно или даже посекундно, в режиме реального времени – это, мол, очень важно, первый эксперимент, на вашем опыте и всё такое. А на самом деле дневниковая дотошность и рабочежурнальная чёткость формулировок важна

не столько для них, сколько для меня самой. Чтобы хоть чем-то занять мой несчастный мозг, паникующий от отсутствия внешних раздражителей. Отвлечь. Хотя как тут отвлечься? Если мой персональный Вованделаморд сбивается в алгоритме моего изгнания, я не поправляю. Просто затаиваюсь как мышка под веником и делаю вид, что меня тут вовсе и нет. Лучше уж так, чем наоборот...

На прошлой неделе Вованчик забыл обратную мантру. Почти сутки во тьме и безмолвии, в полном отсутствии всего и вся... Что знал тот Декарт о существовании? Его самого никогда не помещали на сутки в чёрную бочку чужого подсознания. Хотя в бочке, кажется, был не он, а один из его коллег-философов, и то была вполне себе комфортабельная бочка, с видом на тёплое море. От такой бочки я бы и сама не отказалась. Особенно если в хорошей компании.

Я – экстраверт, хотя и в достаточной мере флегматичный (что, кстати, сейчас очень даже спасает, холерику пришлось бы куда труднее, не говоря уж про меланхолика, они бы уже давно в истерике бились оба), всякие рефлексии и самокопания не по мне. Как там говорила Скарлетт О,Харра? «Я подумаю об этом завтра». Вот и я точно так же, всегда предпочитала действия размышлениям о них, подумать можно и завтра, или послезавтра, короче – когда-нибудь потом. Помните, как в том анекдоте про банан – чего тут думать, прыгать надо! Вот это про меня. Я убеждена, что вопреки житейской мудрости бородатого анекдота добиваются всего именно те, кто прыгает, и прыгает без усталости и сомнений. А остальные завидуют и рефлексиируют на кухнях или диванах. Всегда презирала этих вторых, вечно всем недовольных и всегда знающих, как надо было сделать правильное и лучше, но никогда ничего не делающих.

По мне так лучше уж делать и ошибаться. И снова делать. Тогда обязательно получится рано или поздно.

Помнится, на первом курсе прочла историю про физика, который на спор за три года закончил филфак с отличием, а потом предложил обратное пари философам – хотя бы с физтехом, если уж на физмат кишка тонка. Можно, конечно, оправдываться, что философы отнеслись к этому спору с чисто философским пофигизмом – мол стоит ли суетиться, если труп твоего врага всё равно когда-нибудь проплывет по реке жизни мимо твоего берега, даже если ты не приложишь к этому ни малейших усилий? Однако факт остаётся фактом – отыграть то пари так никто и не смог. И для меня этот реальный грубый и зримый факт оказался куда убедительнее всех заумных теорий. Позже, уже в конторской академии, препод по рукопашке тоже всё тщился убедить в пользе медитаций и расслаблений. С нулевым результатом, так и не получилось у меня ни разу проникнуться, хотя и притворялась, чтобы его не расстраивать. Сама себе при этом казалась гнусной обманщицей и шарлатанкой, от заунывных мантр в дзадзен и падмасанах всегда так и тянуло на глумливые ухмылочки и подхихивания – казалось, что все вокруг просто прикалываются, сговорились и в любой момент могут расхохотаться сами. А вот теперь поневоле пришлось осваивать на столь любимой мною практике все эти столь нелюбимые мною методики самопознания и углублённой концентрации, казавшиеся в теории откровенной чушью. Чтобы не утратить себя в безвременье мрака, чтобы не свихнуться в бессильном cogito ergo, твержу, как заведённая, то, что желаю помнить.

Я – человек.

Я – женщина.

Мне тридцать семь. Дочери девятнадцать. Хорошая девочка, умненькая, хотя и не хватает звёзд с неба. Учится в Питере, прилетает домой на каникулы, иногда – на выходные. Если не хватает денег, становится ласковой. Даже и не знаю, как теперь буду встречаться с ней, находясь в теле малосимпатичного пацана. Да и стоит ли?

Я свободна, с последним мужем рассталась более полугода назад. Ушёл. Тихо так ушёл, без скандала и битья посуды, не сразу и заметила, что чего-то не хватает, а потом вдруг поняла, что в стаканчике под зеркалом лишь одна зубная щётка. Не виню. Я – капитан налоговой полиции и преподаватель АНП¹ со всеми вытекающими не слишком-то приятными последствиями: работа допоздна и в выходные, привычка командовать, занудство в общении и беспомощность в быту. Готовить терпеть не могу, уборку всегда считала неким эквивалентом садо-мазо для домохозяек. В столь обожаемом бывшим мужем большом спорте не разбираюсь совершенно – как-то при обсуждении национального чемпионата по городкам позорно обозвала битую клюшкой. Даже не знаю, что из перечисленного его раздражало больше. Плюс обоюдные поводы для ревности. Обоснованные, чего уж там, ни мой бывший, ни я сама не могли бы послужить идеалом супружеской верности, и сейчас уже совершенно неважно, кто там начал первым, а кто всего лишь побоялся отстать. Плюс острое, порой граничащее с манией, желание обязательно протянуть ниточку своего генотипа в вечность. Его желание. И совершенное игнорирование моего нежелания более плодиться и размножаться.

Нет, я не чайлдфри, просто не создана для материнства, некоторые созданы, а я нет. Причем могу утверждать это не голословно, проверила сей постулат экспериментально и убедилась. Очень хорошо помню свои ощущения и переживания после рождения дочери – растерянность на грани паники и никакого родительского умиления. Нет у меня материнского инстинкта, все эти пелёнки-распашонки, соски-подгузники, сюси-пуси и прочее – не моё. Да и секс после родов утратил прежнюю привлекательность. Вот такая нестандартная реакция организма, многие подруги признавались, что только после рождения первого ребёнка до конца прочувствовали всю прелесть горизонтальных танцев, я же наоборот, как-то вот разонравилось.

Последнего мужа тогда ещё и в проекте не намечалось, я с ним куда позже познакомилась, доче как раз двенадцать стукнуло. Долго ухаживал, красиво. И начал правильно – сначала дочке понравился, а потом они уже с двух сторон и за меня принялись. Подозреваю, что дочка послужила для него дополнительным аргументом за – раз, мол, сумела один раз родить, да такую умницу-красавицу, сможет и второй, обеспечит наследником или наследницей. Вслух такого он, конечно же, не говорил, я позже сама догадалась. В сущности, тут мы оказались квиты, я ведь ему тоже далеко не всё говорила, да что там, даже на головную боль старалась ссылаться не слишком часто и имитировала всё, что полагается, и так, как полагается. Для этого не надо быть психологом, достаточно просто женщиной, любая женщина отлично понимает, что можно, а чего нельзя говорить своему мужчине – если, конечно, хочет она, чтобы мужчина этот и дальше был ее, хотя бы частично. Я хотела. И потому молчала как замороженная рыба на допросе у партизана. Но о нежелании иметь детей и отсутствии материнского инстинкта сказать всё-таки пришлось, иначе он бы меня совсем замутил всеми этими интимными термометрами, высчитыванием овуляторных дней и наиболее благоприятными для зачатия позами. Пришлось объяснить, что благодаря неким маленьким таблеточкам сколько бы после акта я ни лежала, задравши ноги к потолку, это никоим образом не произведет во мне столь желательного ему эффекта.

И что это – серьёзно.

Но какой нормальный мужчина поверит? Вот и он не поверил. Посчитал бабскими капризами, которые можно и перетерпеть какое-то время ради высокой цели. Долго терпел, почти семь лет, мне уже даже казаться начало, что совсем притерпелся и теперь у нас всё будет хорошо. Но тут мой долготерпеливый как раз решил, что капризы что-то подзатянулись, а время идет, он не молодеет, и ниточку генофонда с каждым упущенным годом протянуть в будущее становится всё сложнее. Во всяком случае, с каждым прибавившимся

¹ Академия налоговой полиции.

сантиметром на лысине или килограммом на талии делается всё труднее найти ту, которая согласится тянуть эту ниточку вместе с ним. И вот тогда он сорвался во все тяжкие, словно спешил наверстать упущенные за все прошлые годы возможности, казанова хренов.

Страдала? Наверное, страдала, хотя сейчас уже и трудно сказать наверняка. Но не от того, что мне предпочли других, помоложе и покрасивше (видала я одну из его новых пассий, что помоложе – соглашусь, а вот насчет всего остального... даже как-то бальзам на душу, даже приятно, хотя вообще-то подобной склонности к мелкому злорадству я за собою ранее как-то не замечала). Страдала скорее от того, что это случилось как раз тогда, когда я наконец-то поверила и сама решила окончательно вернуться к семейному очагу, обстоятельно объяснив Шефу, что очень ценю все проведенные с ним пятиминутки на столе, на диване и на заднем сиденье его аэроволги, но пора бы уже и честь знать. Я ведь тогда почти честная была, ну так, разве что по мелочи иногда, разово, не в пустыне работаю, и не в школе, где из мужиков учитель пения да физрук, один вечно молодой, другой вечно пьяный. Наоборот, у нас даже в аналитическом отделе мужчин чуть ли не на треть больше, а уж среди оперативников традиционное один к семи никто не отменял, там на каждую белоснежку по семь гномов в камуфляже. То есть, не гномов, конечно же, богатырей, если учитывать традиции национальной специфики. Все красавцы, все истинные мачо и круче варёных яиц, все тестостероном так и пышут. При таком раскладе любая царевной расцветёт, донельзя привлекательной и чертовски сексуальной. Как тут себя не побаловать – так, по мелочи, ничего серьёзного.

Я всегда очень четко разделяла семью и службу, никогда не брала работу на дом, и мелкие рабочие развлечения тоже оставляла исключительно для внутрислужебного пользования, не вынося за порог. Мой же благоверный подобной щепетильностью не заморачивался, и очень часто, придя с работы, я обнаруживала чужое кружевное бельё в нашей стиралке, следы губной помады не моего оттенка на наволочке или же повисшие на люстре колготки. Помню, эти кроваво-красные драные колготки в ажурную розочку меня особенно зацепили.

Сейчас, по прошествии времени, я не могу исключить, что все эти эскапады свидетельствовали вовсе не о запредельной наглости и совершеннейшем раздолбайстве моего теперь уже окончательно бывшего, а в те дни вполне ещё настоящего. Возможно, с его стороны это был жест отчаянья. Попытка вызвать интерес – хотя бы через ревность. Может быть, он тоже не хотел рушить наш брак, пусть и не самый лучший, но привычный, может быть, он просто стремился меня спровоцировать на скандал, вызвать приступ ярости, даже драку с бурной истерикой и не менее бурным примирением в постели... Тем более, что с его первой они частенько такое практиковали, помнится, на заре наших отношений он сам рассказывал чуть ли не с ностальгической грустинкой в голосе.

Как бы там ни было, добился он прямо противоположного – я стала всё больше задерживаться на работе, часто даже ночевала на знакомом диванчике в приемной. Одна, не подумайте. А потом, чтобы как-то заполнить вдруг образовавшуюся пустоту, вообще сменила кабинетную работу на оперативную. Оперативная – это только так называется, а по сути те же бумажки, не опаснее, чем улицу перейти. Шеф говорил, что в автокатастрофах ежегодно гибнет народу в тысячу раз больше, приводил статистику (как накаркал с этой статистикой, и чего он тогда именно автоаварии в качестве примера привёл? поневоле задумаешься задним-то числом). Я кивала, делая вид, что поверила, а сама надеялась на приключения. Неделью назад отправилась в командировку, продолжая надеяться и ждать – может, хоть там...

Дождалась.

Огромная фура с закемарившим водителем, прямо в лоб, и пофиг ей, что по встрече, дальний галоген по глазам, мокрый ночной асфальт, секундная растерянность... визг тормо-

зов... скрежет сминаемого металла... чей-то крик. Кажется, мой. А дальше – тишина. Абсолютная тишина и абсолютная темнота моей первой смерти.

Но об этом я уже, кажется, отчитывалась, в самые первые дни, по свежей памяти. Хотя Максим и говорит, что та память ложная... Впрочем, про теорию нашего патанатома я уже тоже отчитывалась.

Мне повезло.

Нет, тела спасти не удалось, настолько моего везения не хватило, не безразмерное оно. Но у ребят из второй машины оказались крепкие нервы, а главное, они были в курсе Проекта и знали, что я тоже среди подписавших предварительное согласие. Не стали дожидаться неотложки и полиции, что сумели, собрали в пакет и с сиреной – до ближайшего села. Сылва, что ли, село-то? Свердловской губернии... По счастью, сельский фельдшер оказался на месте и трезв, и компетентен, и энергичен, и знаком с методикой. Законсервировал по науке, да на «скорой» – прямо в Москву, в ЦКБ. Ребята говорят – даже по базе пробивать не стал, на слово поверил, что все положенные бумажки и доступы у меня имеются и оформлены по правилам. Пробивать по базе, постоянно подтверждая право на получение информации и ожидая подтверждение каждого нового подтверждения – лишняя трата времени, а его мало: даже при всех современных чудесах науки и техники личность не так уж долго может обходиться без тела, сохраняя себя именно как личность. Декарт ошибался, одной только способности мыслить человеку недостаточно для существования.

Вырастить новое тело, а потом ещё и добройлерить его до возраста, при котором возможна трансплантация сознания – не лебеду посеять. Естественным способом и с той скоростью, что задала матушка-природа, клону только до состояния новорождённого девять месяцев дозревать. Хорошо, что человек давно уже не ждёт милостей ни от кого, и от природы в том числе. Методика, правда, пока ещё неотработанная, экспериментальная, и времени тоже требует немало. Семь лунных месяцев вынь да положь, иначе никак, в том перенасыщенном разной полезной химией бульоне клетки и так делятся как сумасшедшие. Сильнее подстёгивать нельзя – риск онкологии возрастает в геометрической прогрессии. Так много времени требуется ещё и потому, что в тело младенца сознание взрослого человека не подсадишь – зрелая психика недостаточно пластична, она неспособна меняться так быстро и непредсказуемо, как того требует растущий организм. Приходится ждать. Семь месяцев – самый оптимальный компромисс. Но ждать более полугода в коме – тоже не выход, велик риск превратиться в растение. Теперь, когда я на собственной отсутствующей шкуре испытала все коматозные прелести, как нельзя лучше понимаю, что не перестраховка это вовсе. Не вынести такого человеческого сознанию. Даже представить страшно, мне и суток хватило, чтобы возблагодарить наших добрых докторов за гуманный отказ от мысли продержат меня в этой абсолютной тишине и темноте весь период выращивания новой меня. Спасибо – поняла, оценила, прониклась и теперь сознаю, что была не права, когда полагала иначе.

На эти семь месяцев мою личность – меня? что есть я? чёртот Декарт! – подселили в мозг донора-добровольца. На казённом языке – арендодателя. Теловладельца. Или мозговладельца? Как будет правильнее? А я, стало быть, арендатор. Мозгосъёмщик. Вернее, субарендатор, подселенец, ибо хозяин никуда съезжать не собирается и все права-обязанности в его руках. Мда... жирненьких таких ручках.

Экспериментальная методика означает, что мы с Вовенцием – из пионеров. Или подопытных? Поневоле вспоминаются средневековые байки об одержимых... Суеверие – или прорывы гениального предвидения, своеобразная память о будущем? Если последнее, тогда интерпретация понятна – средневековое сознание и не могло воспринять наш с Вовчиком тандем иначе как самую настоящую одержимость юного непорочного отрока гнусным демоном женского полу. Ну да, ну да, у них же тогда женщины вообще сосудом греха считались...

Не знаю, почему мне так не подфартило и столь завидная участь первопроходца и моего партнёра выпала именно свет-Володимиру. Самой до чёртиков интересно. Случайность ли сработала, вечное моё невезение, я ведь всегда если уж вляпываюсь – то по полной. Или же подселение именно в такого арендодателя – тонкая мстя Шефа за отказ в доступе к телу и врёт он, что выбора не было. Тонкая, м-да... если к Вольдемарчику вообще в каком-либо контексте применимо слово «тонкий».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.